

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ПОВЕРХНОСТЬ: ПОИСК НОВЫХ СОЧЕТАНИЙ

С. М. Захаров

POLITICAL TEXT AND SURFACE: IN SEARCH OF NEW COMBINATIONS

S. M. Zakharov

Политический процесс может быть рассмотрен в контексте политического письма, представляющего собой создание политического текста. Объем и содержание политического письма во многом характеризуют и сам политический режим.

Взаимодействие официальной и неофициальной компоненты в политическом тексте подвержено постоянной динамике, равно как и развитие новых форм политического письма.

The political process can be considered in the context of political writing, which is the creation of a political text. The scope and content of political writing is characterized to a large extent by the political regime itself.

The cooperation between formal and informal components of the political text is subject to a constant dynamics, as well as the development of new forms of political writing.

Ключевые слова: власть, политический текст, пространство, поверхность, протест.

Keywords: power, political text, space, surface, protest.

Политический процесс может представляться не только в формате реальной политики, где между собой взаимодействуют политические акторы. Данное взаимодействие, выражающееся традиционных формах официальной и публичной политики, может представляться и в целом ряде других метафор. Об одной из них речь пойдет в нашей статье.

Политический процесс может еще рассматриваться и в контексте создания политических текстов, и их прочтением аудиторией. Политический текст создаётся субъектами, представляющими как неофициальную, так и официальную политику. Безусловно, официальный политический текст, создающийся субъектом власти (скажем, проектирующийся региональный или федеральный закон), вряд ли претендует на прочтение в качестве протестного. Нас больше интересует неофициальный политический текст, создающийся вопреки власти. И если автором официальных текстов выступает сама власть, то авторство неофициальных текстов принадлежит оппозиционным акторам – сопротивлению.

Необходимо понимать, что существует устойчивая связь между политическим режимом и культурой. Чем жёстче политический режим, тем больше он стремится объективировать себя через официальную культуру. Протестная культура вынуждена выживать самостоятельно, посредством поиска соответствующих поверхностей для протестного письма. Наоборот, демократические политические режимы не так уж и сильно ограничивают субъекта в своём творчестве, что нивелирует зазор между официальной и неофициальной культурой.

Отсутствие реальной политической конкуренции приводит к увеличению объектов протестного письма. Необходимо отметить, что протестные тексты нельзя понимать исключительно узко. Это не только хулиганские надписи. Протестный текст – огромный культурный массив, вмещающий в себя неофициальное творчество как таковое.

В частности, советский политический режим обладал монополией на политический текст, представ-

ляющемся в публичном пространстве. При этом «писать политические надписи в то время почти никому не приходило в голову» [7, с. 50].

В условиях более открытых политических систем городское пространство гораздо сильнее насыщается политическим письмом. Активная политическая жизнь создает массу предпосылок для возникновения ситуаций самого письма. Распространение политического письма достаточно ситуативно и определяется социально-политической конъюнктурой территории. Подтверждением этому служат всплеск протестного письма националистического содержания в Москве после событий на Манежной площади и рынке «Садовод».

Следует отметить, что «актуализация протестного письма происходит в моменты политических трансформаций, позволяющих исследователю сталкиваться с самыми неожиданными поверхностями, на которые наносится протестное письмо» [9, с. 111]. При этом в современных трансформационных процессах активно используются технологии ненасильственного сопротивления, в рамках которых Д. Шарп предлагает достаточно активно работать с текстом/символами. Так среди разработанных им методов можно выделить: надписи в воздухе (самолетами) и на земле (вспашка почвы, посадка растений, камни), ношение символов, рисование в знак протеста, установка новых уличных знаков и указателей [10, с. 76 – 77].

Взаимоотношение поверхности и текста не всегда органично. Поверхность, принадлежа определенному культурно-историческому пространству, может отторгнуть неприемлемый текст. Примером тому выступает проект «Город, свободный от свастики» (Липецкая область, г. Елец), в рамках которого предусматривается уничтожение свастики, ссылок на националистические сайты и прочих актов графического вандализма, призывающего к межнациональной и межрасовой вражде, и их замена изображениями патриотической тематики [3].

Существование текста определяется самим пространством, которое заполняется им неравномерно. Каждое сообщение имеет свою аудиторию и вписывается в специфический контекст места. Здесь, нужно признать, что для автора протестного сообщения принципиально само высказывание, сам факт письма.

В самом явлении протестного политического текста есть свои закономерности. Так, протестный текст претендует как на всё пространство, так и на его части. Поэтому, протестный текст может претендовать и на важные для власти пространства, обладающие сакральным, энергетическим потенциалом.

Возрастание объёмов протестного письма ставит под сомнение легитимность власти. Возникают вопросы относительно её способности эффективно управлять территорией и слышать оппозицию.

Практически во всех городах активность протестного письма нарастает от центра к периферии. Это вполне объяснимо, потому как очевидно стремление субъекта протеста осуществить своё творчество при минимуме принуждения. Это накладывает свои ограничения и на формат и размеры текста, которые приобретают зависимость от «времени, степени удаленности от оживленных, контролируемых полицией мест» [7, с. 51]. Учитывая это обстоятельство, протестный текст, наносимый в городском центре отличается лаконичностью, наносится при помощи трафаретов, трансформируется в символы, презентуется в виде стикеров.

Практически все окружающее человека пространство пригодно для письма, при этом поверхности обладают различной степенью правовой защищенности. В этой связи в качестве поверхностей для письма следует рассматривать: небо, ландшафт населенного пункта, землю.

Использование «небесного письма» (skywriting) как одной из разновидностей воздушной рекламы наряду с транспарантами в небе, рекламными дирижаблями и воздушными шарами во многих государствах определяется законодательством в вопросе полетов на низкой высоте, над городскими кварталами, рядом с крупными городами.

Власть, сталкиваясь с проблемой письма на городских поверхностях, стремится ограничить/избавиться от него по бытовым (нарушение правил благоустройства) и политическим мотивам посредством законодательных механизмов. Попытки введения ответственности нанесение надписей и граффити встречаются как в зарубежных, так и российских юридических практиках, о чем свидетельствует внесение законопроекта в Государственную Думу РФ, а также обсуждение в Европейском парламенте вопроса о необходимости принятия специального закона, оговаривающего наказание за нанесение портящих имущество уличных «произведений» [1].

В рамках действующего законодательства в России нанесение графических изображений определяется Кодексом РФ об административных правонарушениях: ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство», ст. 20.3 КоАП РФ «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики», а также Уголовным кодексом РФ – ст. 214 УК

РФ «Вандализм» [2]. В рамках законодательства субъектов РФ наметилась тенденция, устанавливающая административную ответственность за подобные действия.

На данный момент наиболее незащищенной в юридическом отношении поверхностью является асфальт и другие покрытия, ответственность за размещение текста на которых связана с правом собственности на данный участок. В этом отношении представители власти высказываются о необходимости внесения поправок в федеральный и региональный закон, обосновывающий правоприменение штрафных санкций.

Отсутствие сформировавшейся правовой базы оставляют открытым вопрос о судебной перспективе в российской юридической практике. При этом наметившаяся тенденция ужесточения ответственности за нанесение графических изображений вызывает опасение, «что все уличные граффити с политической окраской будут подпадать не под «хулиганство», как это было раньше, а под статью об экстремизме, чреватую гораздо более серьезными последствиями» [1].

Сам факт письма на поверхности, контролируемой властью, придает политический характер как самому сообщению, так и намерению автора. Однако подобные формы могут быть неприемлемы для некоторых акторов, выражающих желание и потребность, в том числе и протестном письме. Эта проблема может решаться за счет специальных поверхностей, привносимых в уже существующее публичное пространство, на которых любой желающий может оставить свой комментарий.

Публичное пространство в рамках самоидентификации (улица, площадь, название, память места и т. д.) изначально выступает носителем некоего текста. Появляющееся на его поверхностях новое письмо/символы создают предпосылки для дискурса. Это взаимодействие позволяет говорить о наполнении пространства текстом.

Согласно исследованиям и статистическим данным, наиболее активными авторами письма на городские поверхности, выступают лица, не достигшие 25-летнего возраста. В настоящий момент эти практики реализуются представителями нацболов, антифа, бывшими АКМовцами и движением «Оборона» [1].

Следует учитывать, что более сложные, концептуальные идеи требуют высокой интеллектуальной подготовки, что позволяет расширить возрастной и образовательный диапазон акторов, использующих в своих практиках письмо на публичных поверхностях. В качестве примера можно привести акции: «*** в ПЛЕНу в ФСБ» арт-группы «Война», в рамках которой активисты нарисовали гигантский фаллос на Литейном мосту, при разведении которого рисунок поднялся перед Большим домом в Санкт-Петербурге; «Заставь чиновника работать» портала URA.ru, когда на дорогах Екатеринбурга появились карикатуры руководителей города и области (А. Якоба, Е. Порунова и Е. Куйвашева), а ямы и дорожные неровности оказались частью рисунков. Заметим, что представленные акции были отмечены

наградами. Первая – премией «Инновация» в номинации «Произведение визуального искусства» Министерства культуры РФ, вторая – получила четыре награды от жюри международного фестиваля рекламы «Каннские львы».

Протестное творчество некоторых оппозиционных акторов может связываться использованием одного и того же символа, который становится тиражным. Это происходило с гномом («Революция гномов») – символом польской группы, а затем хэппенингового движения «Оранжевая альтернатива», когда его, по словам М. Радзивона, «рисовали не только члены этой групп, а и совсем другие люди» [4]. Гномы, появлявшиеся на пятнах краски, которой милиционеры закрашивали антикоммунистические надписи, что позволило создателям «Оранжевой альтернативы» вывести шуточную теорию, согласно которой первоначальная надпись на стене символизировала некий тезис, закрашивание надписи – анти-тезис, а гном на пятне краски – синтез [6].

Склонность к письму (тиражированию) может использоваться определенными силами в своих интересах. Это хорошо прослеживается на примере проекта националистической направленности «Большая игра «Сломай систему», в рамках которой, учитывая высокую восприимчивость националистической риторики в молодежной и подростковой среде, дополненную игровыми компонентами, а иногда и денежными выплатами городское пространство покрывается надписями: «осторожно – звери», «тут торгуют звери», «www.russigra.org». Заметим, что подобная активность является заданиями начального уровня, последних – причинение реального вреда.

По замечанию А. Филиппова пространство города несет символическую нагрузку и может быть пространством репрезентации. «Пространство это не есть раз и навсегда заданное узким смыслом место. Это то, что может получить свое значение от какого-то действия в данный момент. И сохранится это значение или это значение будет присваиваться по совершению действия и исчезать вместе с ним. И снова такого рода пространство оказывается одним из величайших эволюционных ресурсов, следовательно, и демонстрация борьбы, доступ к нему и свобода его

использования свобода присвоения символического значения именно этому пространству оказывается один из самых заметных проявлений коллективной политической воли [5].

Это позволяет говорить, что действия, проводимые акторами в пространстве или над его символической нагрузкой, способствуют трансформации пространства. В этой связи привносимый в публичное пространство предмет может способствовать текстуальным изменениям. Подобная попытка была реализована словенской группой художников «IRWIN» в ходе акции «Black Square on Red Square», когда на Красной площади было развернуто полотно с Черным квадратом К. Малевича.

В качестве средства презентации текста можно расценивать тело субъекта, которое может быть «формой поверхности протеста, равно как и средством письма» [9, с. 111]. В качестве примера можно привести акции: «ЭТИ-текст» движения Э.Т.И., когда телами участников на брусчатке было выложено слово «***» [11]; хэппенинг «Гномы» арт-группы «23:59» (г. Елец), когда на склоне парка 40-летия Октября было выложено слово «НАТЕ», имеющее текстуальные параллели с английским словом «hate» – ненависть и стихотворением «Нате» В. Маяковского [8, с. 154 – 155; 9, с. 111 – 112].

Таким образом, протестный политический текст оказывается довольно зависимым от доминирующего типа политического режима. Стратегии оппозиционных политических акторов, выступающих субъектами протестного письма, начинают связываться с текущей политической конъюнктурой. В полной мере это будет и определять их выборы относительно тех или иных поверхностей, где будет нанесён протестный текст. Политический процесс, в данном смысле, можно представить как постоянный поиск оптимального сочетания текста и поверхности.

Совершенствование политических технологий, появление новых публичных пространств прямо влияет на появление новых форм политической коммуникации, на их постоянное развитие и совершенствование.

Литература

1. Богатых М. Граффити окажется вне закона? // Pravda.ru. 2011. 22 января. Режим допуска: <http://www.pravda.ru/politics/authority/parliament/22-01-2011/1064319-graffiti-0/> (дата обращения: 18.05.2014).
2. Граффити ответственность // Агентство Новостей Подмосковья. Режим допуска: http://www.mosoblpress.ru/mass_media/3/108/item91097/ (дата обращения: 18.05.2014).
3. Елец очистят от свастики // Весь Елец. 2012. 4 октября. Режим допуска: <http://allelets.ru/elec-ochistyat-ot-svastiki> (4.05.2014).
4. Культура протеста: лозунги / стенограмма I семинара // Уроки истории. 2012. 14 февраля. Режим допуска: <http://urokiistorii.ru/memory/conf/2971> (дата обращения: 22.04.2014).
5. Культура протеста: пространство / стенограмма II семинара // Уроки истории. 2012. 22 марта. Режим допуска: <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/3123> (дата обращения: 22.04.2014).
6. Оранжевая альтернатива. Режим допуска: ru.wikipedia.org/wiki/Оранжевая_альтернатива (дата обращения: 3.06.2014).
7. Руденко В. Н. Политическое граффити // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 50 – 55.
8. Скиперских А. В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк: Гравис, 2013. 204 с.
9. Скиперских А. В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России // Политическая лингвистика. 2014. № 1(47). С. 108 – 113.

10. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловская; 2-е изд., испр. М.: Новое издательство, 2012. 84 с.

11. Э.Т.И. – текст // Мастерская Анатолия Осмоловского. Режим допуска: http://osmopolis.ru/eti_text_hui/-pages/id_183 (дата обращения: 4.06.2014).

Информация об авторе:

Захаров Сергей Михайлович – ассистент кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, zakharov1201@rambler.ru.

Sergey M. Zakharov – Assistant Lecturer at the Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University.

Статья поступила в редколлегию 16.10.2014 г.